

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-34-47>

УДК 316.1

А. В. Щербина[✉]

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия

ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ ВЕРА ИЛИ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЯХ СОЦИОЛОГИИ

Введение. В медийной повестке и дискуссиях экспертов цифровизация широко обсуждается в качестве глобальной тенденции современности. В условиях глобализации цифровые технологии – технологии связи, вычислений и управления – уже изменили режимы взаимодействия личности с личностью, семьей, ближним кругом общения, с корпорациями и государством. Анализ социальных последствий их распространения должен быть дополнен анализом условий их возникновения и продвижения.

Материалы и методы. Использованы данные ВЦИОМ, исследования института психологии РАН, ВШЭ и др. Учтены результаты изучения социальных представлений в современной психологии, социологии, культурной антропологии. Применены сравнительно-исторический метод, структурно-функциональный анализ, типологический подход.

Результаты исследования. Конструируемые социологами типологические понятия и выстраиваемая иерархия значимости проблем дают схемы интерпретации социальных изменений и превращаются в социальные представления. Распространение своего рода технократической веры в массовом сознании сигнализирует об утрате понятиями постиндустриального, информационного общества эвристического потенциала. Тем более это касается их новой версии – цифрового общества. В арсенале социологии есть идеально типические конструкции, культурное значение которых резко возрастает. «Гражданское общество» – типологическое понятие, ориентирующее на исследование того, какие социальные силы и в каких исторически конкретных условиях выбирают вектор технологического развития, поощряя одни и блокируя другие научно-технологические разработки.

Обсуждение. Технократизм рассматривается как аналитическая перспектива и мировоззренческая установка, вменяемая современным социальным представлениям. Прослеживается изменение структурно-функциональных и содержательно-морфологических характеристик социальных представлений. Цифровизация соотносится с типологическими понятиями постиндустриального и информационного общества. Обращено внимание на исторический характер типологических понятий социологии.

Заключение. Содержится попытка обоснования актуальности конструирования типологического понятия «гражданское общество» для осмысления социальных альтернатив и роли, которую могут играть высокие технологии в их осуществлении.

Ключевые слова: типологические понятия, социальные представления, технократизм, технократическая вера, постиндустриальное общество, информационное общество, цифровые технологии, коммуникация, гражданское общество, доверие.

Для цитирования: Щербина А. В. Технократическая вера или гражданское общество: размышления о типологических понятиях социологии // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 34–47. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-34-47

Источник финансирования. Инициативная работа.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 26.02.2019; принята к публикации 26.03.2019; опубликована онлайн 25.06.2019

© А. В. Щербина, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Alexandra V. Shcherbina✉

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

5, Professor Popov str., 197376, St. Petersburg, Russia

TECHNOCRATIC BELIEF OR CIVIL SOCIETY: REFLECTIONS ON THE TYPOLOGICAL CONCEPTS OF SOCIOLOGY

Introduction. Digitalization is widely discussed as a global trend of modern times in a media agenda and experts debates. Digital technologies, such as communication, computing and management technologies, have already changed the modes of interaction of one individual with another individual, family, and inner circle, as well as with corporations and the state, in the context of globalization. The social consequences analysis of their distribution should be supplemented by the conditions analysis of their emergence and development.

Materials and methods. The data of the Russian Public Opinion Research Center, research by the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, the National Research University Higher School of Economics, and others, are used in the work. The study results of social representations in modern psychology, sociology, and cultural anthropology are considered. The comparative historical method, structural-functional analysis, and typological approach are applied in the present work.

Results. Typological concepts constructed by sociologists and a built-in hierarchy of problems significance provide social change interpretation schemes and turn into social representations. Spreading a kind of technocratic belief in a collective consciousness indicates the loss of heuristic potential concepts by a post-industrial, information society. This is especially true for the new version of society – the digital society. Sociological arsenal has ideal-typical constructions, whose cultural significance increases sharply. Civil society is a typological concept that focuses on the study of social forces and specific historical conditions which choose the direction of technological progress by supporting some and blocking other scientific and technological developments.

Discussion. Technocracy is considered as an analytical perspective and a world view attributed to modern social representations. Changes in the structural-functional and content-morphological characteristics of social representations are studied. Digitalization is correlated with the typological concepts of the post-industrial and information society. Special attention is dedicated to the historical nature of sociological typological concepts.

Conclusion. The article attempts to justify the design relevance of the typological concept "civil society" for understanding social alternatives and high technologies role in their implementation.

Key words: typological concepts, social representations, technocracy, technocratic faith, post-industrial society, information society, digital technologies, communication, civil society, trust.

For citation: Shcherbina A. V. Technocratic belief or civil society: reflections on the typological concepts of sociology. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 3, pp. 34-47. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-34-47 (Russia).

Source of financing. Initiative work.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received 26.02.2019; revised 26.03.2019; published online 25.06.2019

Введение. В масштабных российских национальных проектах, паспорта которых утверждены 24 декабря 2018 г. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, к социальным преобразованиям и планируемым реформам в работе правительства, экономике, в сферах территориального развития, медицины, образования предьявляется императив цифровой трансформации. В медийной повестке, дискуссиях экспертов, в публичных выступлениях представителей элиты цифровизация широко обсуждается в качестве глобальной тенденции современности. В условиях глобализации цифровые технологии – технологии связи, вычислений и управления – уже изменили режимы взаимодействия личности с личностью, семьей, ближним кругом общения, с корпорациями и государством. А также поменяли отношения личности и глобального субъекта. Под последним будем понимать господствующий класс, который определяет принципы и создает

объективные возможности долгосрочного управления. Формирование и развитие личности (присваивающей, производящей, реализующей услугу), ее социализация, развитость и зрелость, человеческий и социальный капитал – на все влияют цифровые технологии (ЦТ). Это «только технологии», но они меняют масштаб социального действия, социального пространства и времени. Индивидуальные и групповые представления о цифровой экономике, медицине, образовании и, наконец, о цифровом обществе дифференцируются сообразно культуре, сфере деятельности, социальной позиции, уровню образования и компетенций, а предикат «цифровой» становится «подлежащим». Цифровые технологии наделяются некоторой субъектностью (особенно ярко это проявляется в представлениях об искусственном интеллекте).

Императив цифровизации адресован как элитам, так и широким слоям населения. Восприятие его может окрашиваться оптимизмом, проистекающим из осознания потрясающих новых возможностей для индивида во всем том, что касается его здоровья, продолжительности жизни, репродуктивного потенциала, а для общества – повышения конкурентоспособности в международном разделении труда, обороноспособности, устойчивого развития, совершенствования социальных институтов; или пессимизмом – вторжение в человеческую природу и ее биороботизация, управление сознанием и поведением на основе аддиктивных технологий, тотальный контроль населения, лишние люди, людоедская конкуренция, вынуждаемая тотальным надзором. Он может выливаться в технофилию или технофобию, что, на наш взгляд, является вызовом для представителей отечественного социогуманитарного знания: и исследователей, и педагогов. Принятие этого вызова означает, что обсуждение социальных последствий ЦТ нужно дополнить анализом социальных условий, в которых эти технологии возникли, распространились и оестествились в социальных представлениях. А для этого нужны другие типологические понятия: понятие цифрового общества не позволяет расстаться с технократической верой.

Материалы и методы. В работе использованы данные ВЦИОМ, результаты социологических исследований Института психологии РАН, ВШЭ и др. Применены сравнительно-исторический метод, структурно-функциональный анализ, типологический подход. Концепт «социальные представления» генетически связан с такими понятиями классической социологии и социальной психологии, как коллективные представления, картины социальной реальности, верования, символические универсумы, ментальность и мн. др. Понятие «социальные представления» обрело популярность в западной, преимущественно французской, социологии благодаря работам Сержа Московичи. В России в Институте психологии РАН сложилось направление исследований социальных представлений в культурно-исторической парадигме, традиционной для отечественного социального познания [1].

Изучение социальных представлений – сложившийся междисциплинарный дискурс, в котором представлены разнообразные трактовки этого понятия, направления его операционализации и эмпирического исследования. Психология, социология, культурная антропология детально описали психодинамические, когнитивные и социокультурные механизмы формирования социальных (групповых) представлений, роль межличностного общения, групповые эффекты, влияние социальных установок, ценностей и норм, социальных стереотипов, когнитивных категорий и схем. Выделим ряд моментов, значимых для нашего рассуждения. Социальные представления разделяются, т. е. это не столько содержание нашего мышления, сколько сам процесс его порождения, то, как люди создают – опознают, называют, отбирают, обрабатывают информацию сообразно наличным категориальным схемам, аттитюдам, как они ее объективируют, какое они придают ей значение, как они

оценивают ее достоверность, правильность, убедительность. В социальных представлениях соединяются информация о сообщаемых вещах, процессах, событиях и возникающие и изменяющиеся по ходу коммуникации консенсусные убеждения – информация о сообщающих. В таком понимании социальные представления сливаются с коммуникацией.

Результаты исследования. В современном массовом обществе экспертное знание, включая социогуманитарное, выстраиваемая им иерархия культурной значимости проблем, требующих осмысления и решения, их обозначение, тиражируемые СМИ и СМК, влияет на социальные представления. Конструируемые социологами типологические понятия дают схемы интерпретации социальных изменений и превращаются в социальные представления. Полвека назад такими новыми типологическими понятиями стали «постиндустриальное», «информационное общество». Они оестествились: технократическая установка глубоко проникла в наши социальные представления, воплотилась в разделяемых представлениях не столько о высоких технологиях, сколько о социальных отношениях, институтах, сообществах людей. Сегодня наши социальные представления пронизаны технократической верой.

Технократизм перестал быть достоянием определенного социального слоя, вменяется массовому сознанию, влияет на весь ландшафт социальных представлений. Под последними будем понимать представления, разделяемые социальными группами в процессе коммуникации. В отличие от представлений, овеществленных и застывших в научных и идеологических системах, собственно социальные представления, воплощенные и консенсусные, конфигурируют личностную и групповую перспективы. Современные социальные представления являются постнаучными. Ведь большинство граждан современных обществ сформированы системами образования, в которые в том или ином виде встроены «основы наук». В производстве этих представлений большая роль принадлежит интеллектуалам: обладая «властью номинации», они предлагают объяснения, которые со временем становятся самоочевидными.

Обладают ли типологические понятия, сконструированные социологами («идеальные типы» в терминологии М. Вебера), объясняющей силой и прогностическим потенциалом? Да, если они создаются на основе понимания социальных процессов в их культурном значении. Реальные исторически индивидуальные сообщества никогда не соответствуют полностью «идеальному типу». Но именно типологические понятия дают возможность социологу осуществлять осмысленные эмпирические исследования исторически конкретных условий и обстоятельств. Сами типологические понятия историчны. Типы традиционного и современного, капиталистического и социалистического, индустриального и постиндустриального, промышленного и информационного общества задавали схемы интерпретации социальных изменений и со временем превращались в разделяемые социальные представления. Типологические понятия постиндустриального и информационного общества, сконструированные полвека назад, приобрели огромную популярность. В условиях соперничества двух сверхдержав, каждая из которых предлагала свои идеологически заряженные самоназвания («открытое общество», «реальный социализм»), а религия объявлялась частным делом («светское государство»), единственным нейтральным языком, на котором могут говорить все, признавался язык науки и технологий. На этом языке западные интеллектуалы описывали неотвратимые социальные изменения, что с классовых марксистских позиций квалифицировалось как технократизм и критически оценивалось. Технократизм, бывший в то время установкой элит, в современном обществе оестествился и вменен социальным представлениям. Распространение своего рода технократической веры в массовом сознании сигнализирует об утрате понятиями постиндустриального,

информационного общества эвристического потенциала. Тем более это касается их новой версии – цифрового общества. В арсенале социологии есть идеально типические конструкции, культурное значение которых резко возрастает: они ориентируют на исследование того, какие социальные силы и в каких исторически конкретных условиях выбирают вектор технологического развития, поощряя одни и блокируя другие научно-технологические разработки. «Гражданское общество», на наш взгляд, – то типологическое понятие, которое позволяет адекватно осмысливать социальные альтернативы в условиях современной глобализации и роль, которую могут играть высокие технологии в их осуществлении.

Обсуждение. Распространение массовой культуры, СМИ и СМК позволило не только политической и интеллектуальной элите, но и обычным людям из разных социальных групп общаться о себе и о своих представлениях. Наши представления формируются социальным контекстом и структурируются социальной группой. Московичи подчеркивал, что социальные представления вырабатываются в процессе обмена и взаимодействия. «Социальные представления скорее формируются через взаимные влияния, через имплицитные переговоры, по ходу которых люди обязывают себя к особым символическим моделям, образам и разделяемым ценностям. Делая это, они приобретают и некий общий репертуар интерпретаций и объяснений, правил и процедур, которые могут применять в повседневной жизни, и доступные всем речевые выражения» [2, с. 9]. В интернет-сообществах процесс «группового конструирования социального объекта», «разделение представлений», порождение консенсусного универсума, доверительное присвоение и причастность становятся эмпирически наблюдаемыми. Модульное межличностное общение (большое количество участников с частичной функциональной вовлеченностью, разнообразие краткосрочных контактов), которое О. Тоффлер рассматривал как более предпочтительное, чем традиционное, основанное на долго- и среднесрочных связях с небольшим кругом лиц, но доступное лишь избранным мобильным гражданам супериндустриального общества, стало технически исполнимым и массовым в социальных сетях. Клиповость и кликовость, мозаичность и калейдоскопичность, о которых достаточно сказано, неуклонное снижение требований как к содержанию общения, так и к навыкам и оснащенности участников коммуникации, которые могут претендовать на внимание к своим сообщениям благодаря встроенным в сервис инструментам их презентации (яркий пример – популярный видеохостинг tik-tok, в котором отсутствует запрет на ерунду и есть возможность сделать ее «смотрибельной») – эти черты подробно описаны в многочисленных исследованиях.

Удельный вес интернет-коммуникаций в общем объеме существенно превысил вес дискурсов, поддерживаемых традиционными СМИ (об этом косвенно свидетельствует набирающая обороты «журналистика скриншота»), они соперничают с разговорами «лицом к лицу». В молодежной среде общение в интернете, в котором допустимы бессодержательность, игнорирование правил (грамматические и стилистические ошибки), его участниками рассматривается как важная сфера и пространство для продвижения. Включенность, принадлежность, коммуникативная оснащенность – скорее эффекты обладания продвинутым гаджетом и технической обученности, чем личностных навыков. Представления о социальном взаимодействии «заякориваются» на платформах, что поддерживается и поощряется IT-компаниями, которые кровно заинтересованы в привлечении как можно более широкого круга пользователей: они в формате ВЭБ-2 бесплатно создают контент, потребляют рекламу и попутно производят ресурс XXI в. – большие данные.

В парадигме социальных представлений разработаны инструменты их структурного анализа – категории центра и периферии. Ядро связано с коллективной памятью и историей

группы, оно определяет гомогенность группы через консенсус. Периферия обеспечивает интеграцию индивидуального опыта и поддерживает гетерогенность группы, более подвижна, противоречива, чувствительна к наличному контексту, адаптирует к конкретной реальности, допускает дифференциацию содержания. Социальные представления определяют символические отношения индивидов и групп и сами становятся основой «сообществ по интересам». Стремление расширить количество участников и декларирование равенства производят соответствующие эффекты: размывают общую точку зрения на предмет, углубляют дифференциацию приверженности различным аспектам представления, закоривают элементы его содержания на ситуативных символических реалиях. Очевидно, что в сетевом общении, подчиненном диктату расширения (количество друзей, подписчиков, лайков, перепостов), вовлеченность участников, актуальность дискуссии обеспечиваются периферией социального представления. Периферия разрастается, а ядро трансформируется, теряет элементы, не актуализированные контекстом, не востребованные или запрещенные нормативной моделью, не тестируемые практическим опытом.

Современные информационно-коммуникативные технологии меняют структурно-функциональные и содержательно-морфологические характеристики социальных представлений. По образному выражению Питирима Сорокина, высказанному в свое время относительно телефона, телеграфа и радио, эти «проводники проводников» фетишизируются и оказывают мощнейшее влияние на взаимодействие людей [3, с. 190–221]. Формат, в котором осуществляется коммуникация (платформа), профилирует когнитивные и конструктивные особенности социальных представлений. Разделяемые сетевыми сообществами онлайн, они проявляются в социальном взаимодействии офлайн. «Твиттерный» социальный протест – характерный пример, демонстрирующий, как социальные представления, возникающие в онлайн-мобилизации, формируют структуру коллективных действий.

Возможности преднамеренно конструировать социальные представления – регулировать информационный поток, вбрасывать или запрещать темы для дискуссий и комментирования, навязывать одни и тем самым отсекал другие схемы интерпретации, поддерживать иллюзию массовости, удерживая внимание и время человеческой жизни за счет использования аддитивных технологий, –кратно увеличиваются, но отдаленные последствия неясны никому: неосознанность и мобильность социальных представлений возрастают.

Какие социальные представления генерируются метафорой цифрового общества? Цифровизация ассоциируется с рационализацией (от *лат. ratio* – «счет»). Рациональный значит умный: умный дом, умная одежда, умная пища, которая сигнализирует человеку о своей полезности и вредности, умный ЗОЖ, опосредованный контролем состояния организма, умное образование, когда предоставление образовательных ресурсов через одно окно опосредовано автоматическим контролем знаний, умное зачатие, умный выбор партнера – список можно продолжить, но в целом формируется представление, что человек не может и не имеет права жить без цифровых технологий, что цифровая среда столь же естественна для него, как природа, а цифровая компетентность жизненно необходима.

Сегодня мы располагаем результатами многочисленных социологических и социально-психологических исследований социальных представлений о цифровизации, разделяемых различными группами населения [4], [5]. Интересные данные получены в кросскультурных исследованиях. В центре внимания – молодежь, средний класс, жители крупных городов. Исследуются противоречивое воздействие эмоций и гедонистической мотивации на готовность и результативность освоения новых технологий, их востребованность в качестве

средств самопрезентации и самопродвижения. В зависимости от пола, возраста, социального статуса и изменяющихся обстоятельств на принятие и готовность осваивать цифровые технологии влияют следующие факторы: ожидаемая полезность (необходимость для профессиональной деятельности, удобства, преимущества, выгоды), прогнозируемая трудность и затратность их освоения, социальное влияние (учет мнений социального окружения, престижность навыков), финансовые и временные ресурсы, доступность обучения и технической поддержки. Исследователи указывают на «дисбаланс между скоростью развития технологий и рефлексией их последствий в молодежной среде» [6]. В социальных медиа обсуждаются новые интернет-услуги и гаджеты, цифровые сервисы и продукты, происходит обмен пользовательским опытом и потребительскими предпочтениями. Развитие облачных сервисов, модульных технологий, универсальных идентификаторов делает интернет абсолютно необходимым для каждого, интерфейс устройств – максимально дружелюбным, что, с одной стороны, снижает требования к пользовательским навыкам, а с другой – превращает цифровую компетентность в фундаментальную основу безопасности жизнедеятельности человека. Социальные опросы [7] свидетельствуют о том, что у нас, граждан России, беспечное доверие к цифровым технологиям сменяется осознанием рисков и угроз, растет понимание того, что практически любое их использование позволяет IT-компаниям и потенциально заинтересованным субъектам разного уровня накапливать персональную информацию, составлять сильно детализированный и постоянно обновляемый цифровой профиль личности. На каком уровне должна быть обеспечена защита персональных данных? Дискуссия по этому вопросу в российском обществе еще только начинается.

Новая инфраструктура коммуникации как пространство всеобщего материального и духовного обмена, в котором различия между коммуникацией, обработкой информации и управлением стираются, дает возможность частным корпорациям, в том числе ТНК, правительствам и надправительственным структурам агрегировать гигантские базы данных о сознании и поведении людей. Работа с большими данными (БД) стала возможной благодаря новейшим технологическим достижениям. Неслучайно их называют нефтью XXI века. Аналогия направляет размышления. Подобно тому как разведка, добыча, переработка нефти, ее рыночная котировка – предмет правового регулирования и сфера конкуренции управляющих субъектов разного уровня, БД во всем жизненном цикле: сбор, запись, хранение, перемещение, использование – требуют стандартизации и контроля на наднациональном, национальном, корпоративном, индивидуальном уровнях. Каковы позитивные и негативные эффекты использования БД? Каковы риски их монополизации? Издержки национализации и ограничения монополий? В профсоюзных дискуссиях обращено внимание на то, что защита информационного стандарта правом собственности сдвигает точку, в которой в цепочке создания стоимости фиксируется наибольшая добавленная стоимость, и сформулированы основополагающие принципы, которыми правительства должны руководствоваться при разработке открытых стандартов для цифровой интеграции производства и информации: большие данные и алгоритмы их поиска следует считать открытыми, а структуры перекрестного субсидирования в этой сфере должны предотвращаться и уничтожаться [8].

Являются ли БД «общественным благом», «смешанным благом», «коллективным благом»? Каковы права собственности производителей этих благ? Ведь деятельность по переработке, хранению, дистрибуции и представлению информации в удобном формате – это услуги, и рыночная конкуренция в этой сфере неизбежна. Как совместить ее с нерыночным национальным, общественным контролем?

С ответами на эти вопросы связано понимание того, должны ли цифровые компетенции (и какие именно) стать предметом всеобщего распределения. Возможно, объем цифровых компетенций придется постоянно наращивать, чтобы пользователи могли самостоятельно определять настройки алгоритмов. Возможно, граждане будут объединяться в сообщества, чтобы помогать друг другу, или делегировать эту услугу доверенным лицам, создающим персональные или коллективные решения. Но суть вопроса связана не столько с технологиями, сколько с социальными отношениями за цифровым фасадом – в гражданском обществе.

В социальных представлениях студентов на в целом позитивную оценку новых технологий накладываются социальный пессимизм и недоверие к социальным институтам [6]. Сходный диагноз по результатам исследования различных групп российского общества ставят многие авторы [9] и приходят к выводу, что решающее значение для отношения личности к новым технологиям имеет образ коллективного будущего [6, с. 101]. А он проблематичен. Впрочем, более отдаленное будущее большинство граждан России оценивает положительно [10], что, на наш взгляд, является косвенным подтверждением запроса на социологический образ этого будущего.

Технократизм многолик: это представление о развитии науки и технологий как автономном процессе, который можно ускорять или замедлять, прерывать, но отменить или обратить вспять невозможно. Только наука дает истинный, правильный образ природных процессов, в том числе процессов в самом человеке как биосоциальном существе, а технологии позволяют воспроизводить и запускать эти процессы на основаниях, придуманных, подставленных, изобретенных человеком, и изменять в пределах, заданных законами природы, их характеристики. Как методологическая установка, разделяемая социологическими теориями, «которые объясняют все общественные явления действием одного фактора», это есть разновидность технологического детерминизма. Технократизм в качестве плодотворной аналитической перспективы ориентирует на исследование социальных изменений, вызванных развитием науки и техники¹. Технократизм в качестве идеологии элит обосновывает претензию на власть преимуществами научного управления перед демократическим контролем, легитимирует принимаемые политической элитой решения ссылкой на их научно-техническое обоснование (экспертизу). Наконец, технократизм в качестве мировоззренческой установки – вера в возможность формально-рационального разрешения всех проблем общества и человека: вера в то, что технологии, возникшие на основе кодифицированного научного знания, формируют общественные отношения, в то, что существует некий набор объективных нейтральных по отношению к культурным различиям ценностей, на который следует ориентировать социальное управление и социальное поведение. В своих крайних формах, отягощенных «одержимостью» – глубинной уверенностью в своей правоте и непогрешимости, – такая установка питает «новые религии» – трансгуманизм.

Внимание и интерес к социальным и антропологическим последствиям высоких технологий не являются беспрецедентными. Технократические интерпретации социальных изменений начали активно продвигаться в дискурсе научно-технической революции, но происходило это в качественно иной исторической ситуации, в совершенно других социально-политических

¹ Как справедливо отмечал П. Сорокин: «Главная задача науки “социология” – изучение фактов, точное наблюдение, кропотливый анализ социальных явлений. Правильно ли установлена связь данных явлений? Правильно ли сделано наблюдение? Точны ли выводы автора? Если ответы будут положительными, то исследования социолога будут научным вкладом, независимо от того, к какому направлению он принадлежит» [11].

условиях. В 1960–1980-е гг. научно-техническая революция, породившая микроэлектронику и компьютеры, интернет, телевидение, освоение ядерной энергии и космоса, оказалась в центре внимания политических элит, осмыслялась интеллектуалами и художниками, будоражила умы обывателей. В то время были выработаны и язык, и экспрессивные символы, и метафоры, которыми мы пользуемся до сих пор. Принципиально важным для оценки тех, заслоненных навесом свежих интерпретаций дискуссий является тот факт, что они происходили в иной глобальной ситуации: противостояния двух сверхдержав, двух центров силы, предлагавших разные проекты человеческого общежития и открыто конкурировавших за самоопределение и выбор «третьего» мира. Особенность теоретических построений тех лет состояла в том, что качественно новые возможности высоких технологий предполагалось интегрировать в казавшиеся прочными и имеющими потенциал развития социально-экономические устройства – использовать, соответственно, «преимущества социально ориентированной рыночной экономики» и «развитого социализма». Прогнозирование, социальные утопии, научная фантастика в литературе и кино – все стимулировалось осмыслением возможностей новых технологий. Образы будущего выстраивались по двум основным векторам. Первый – вектор предельной глобализации. Это представления об обществе – либо деспотическом и кастовом, либо гармоничном и гуманном – с высокоразвитой и прирученной наукой и техникой. Масштабы такого общества диктовали освоение космоса, океана, ядра земли, управление климатом и нередко путешествия во времени. Второй – вектор предельной автономизации (персонализации). Это представления о сервисах и устройствах, снабженных датчиками состояния среды и организма самого человека, кратко расширяющие его физические, сенсорные и когнитивные способности и в перспективе позволяющие избавить человека от унаследованных болезней и иных ограничений.

Экспертное знание не отставало. Именно в эти годы ведущие представители социогуманитарного знания формулировали и представляли публике концепции информационного и постиндустриального общества. При всех культурных, идеологических и методологических различиях эти теории были едины в признании эмансипирующей для общества и личности роли высоких технологий, которые, в отличие от всех предшествующих, расширяют и умножают не только физические силы человека, но и его интеллектуальные возможности. Эти теории формулировались в русле классической социологии (наследницы модерна с его верой в разум, прогресс и человеческую автономию) и концептуализированных ею тенденций: обобществления производства, превращения науки в непосредственную производительную силу (К. Маркс), усложнения, возрастания организованности обществ (Г. Спенсер), рационализации (М. Вебер). Неслучайно идеи О. Конта, основоположника социологии и одного из авторов концепта «индустриального общества», о решающей роли управления, организации, о неизбежности расширения слоя когнитариата и сегодня не выглядят анахронизмом. А современный трансгуманизм типологически схож с контовской религией человекобожия. Эти теории хорошо сочетались с господствующими прогрессистскими идеологиями XX в., либерализмом, коммунизмом, к ним оказались восприимчивы и некоторые радикальные фундаменталистские проекты, субъекты которых вдохновлялись идеями модернизации, соединения достижений научно-технической революции с преимуществами традиционной социальной организации и самобытной культуры.

Связав сущность постиндустриального общества с информатизацией (Д. Белл, Р. Арон и мн. др.), авторы этих концепций не могли не затронуть проблемы образования. При всех

новаторских идеях и смелых предположениях они ориентировались на модели культурного человека и образовательные идеалы, которые были выработаны еще на заре Нового времени. Знание природы стало силой, когда труд утратил свою естественную, природную заданность, перестал быть простым использованием природы. Накапливаясь и разрастаясь, эта сила вызывает неизбежную специализацию людей вследствие ограниченной вместимости индивида, которая должна дополняться его общекультурной подготовкой, обеспечивающей нравственные ориентиры и комплексность мышления. Образованный человек – это специалист с высокой культурой. Сформулированный Коменским идеал «учить всех, всему, обо всем» у теоретиков «общества знаний» получает второе дыхание. Эта модель культурного образованного человека разделяется теоретиками постиндустриализма и дополняется, с одной стороны, требованием расширения общекультурной подготовки, акцентированием значимости комплексности, экологичности, диалектичности мышления каждого специалиста, продиктованными возросшей сложностью и планетарной мощью техносферы; с другой – демократизацией высшего образования и обеспечением большей доступности образования сколь угодно высокого уровня для широких слоев населения на протяжении всей жизни (идея непрерывного образования обретает популярность в это время, тогда же разворачиваются институты, его обеспечивающие, активно обсуждаются идеи развивающего обучения). Меритократические идеалы становятся очень популярны. Сложившаяся социальная иерархия подлежит критике как не соответствующая образовательной иерархии, а базовые социальные институты капиталистического общества, прежде всего, частная собственность, оптимистично интерпретируются в духе менеджериального общества. Знания, информация объявляются источником богатства. «Власть в экономике некогда была основана на владении землей, затем она перешла к капиталу, и, наконец, в наше время источником власти служит тот сплав знаний и опыта, который представляет техноструктура» [12, с. 189].

Сегодня в целях прояснения точек приложения актуального исследовательского интереса поучительно вернуться к размышлениям первых теоретиков постиндустриального общества о социальных и культурных последствиях появления высоких технологий и оценить точность предложенных прогнозов. Что из предсказанного стало обыденным и привычным, какие концепты оестествились, вошли в обыденные представления? Что сбылось, но имеет сегодня другое культурное значение? Какие нерешенные тогда вопросы и дилеммы вновь формулируются и осмысляются как вызовы, а что ушло из центра дискуссий? Возьмем в качестве образцов Д. Белла и О. Тоффлера.

Обрисовывая «социальные рамки информационного общества» [13] – нового социального уклада, базирующегося на телекоммуникациях, – Д. Белл формулирует общее понимание технологий: это «инструментальный способ рационального действия». Суть интеллектуальных технологий состоит в том, что в разных сферах жизни они позволяют действовать более рационально: переходить от интуитивных суждений к алгоритмам. Разумеется, рациональные действия в своей совокупности могут порождать иррациональные и нежелательные последствия – для отдельных людей, сообществ и человечества в целом. Указывая на развитие новых областей научного знания (кибернетика, теории информации, принятия решений, игр, стохастических процессов), на решающее значение кодифицированного теоретического знания в технологических инновациях – технических изобретениях и организационных усовершенствованиях, Белл подчеркивал, что новые технологии – механизм обработки социальной информации, инструмент управления: они позволяют создавать детализированные модели экономики и

анализировать последствия альтернативных экономических политик. Они обеспечивают необходимые условия (координация в области информации) и инструменты (моделирование, индикативное планирование, директивное планирование) для национального планирования, цели которого определяются решениями вопросов политики и культуры. Последние только обостряются, так как в постиндустриальном обществе интеллектуальные технологии являются средством расширения и ускорения социальных связей.

В психологическом и социальном взаимодействии людей, в структуре коммуникаций Белл предсказал решительные изменения: ликвидация бумажных носителей информации, новые способы досуга («бомбардировка сенсорного аппарата»), реорганизация образования на основе компьютерного обучения. Кратно возрастающая социальная плотность общества делает его все более открытым, а социальную политику – более проблемной. Вывод Белла: для любого общества главные решения – политические, а они не являются производными от технологических и экономических факторов. В этом пункте очень хорошо видно, что технократическая установка – анализ социальных последствий распространения новых технологий – не превращается в технократическую веру в их всеисилие. Предвидя надвигающиеся социальные проблемы информационного общества («становление мировой пространственно-временной целостности с дефицитом организованного международного порядка», приобщение к НТП слаборазвитых стран, неизбежность попыток установления национально-государственного контроля в сфере глобальных коммуникаций и риски для гегемонии США), Белл оптимистичен: интеллектуальные технологии создают возможности для реализации социальной политики открытых и эгалитарных обществ, ориентирующихся на общее благо.

Также рассуждает О. Тоффлер: общество «третьей волны» не создается технологиями, а возникает в результате трансформации в техно-, био-, социо-, инфосфере и в структурах власти. Либеральной политике и культуре принадлежит в нем решающая роль. Сегодня на фоне возрастающей стихийности, непредсказуемости социальных изменений, невозможности долгосрочного планирования, в которой расписываются современные элиты, проблема субъекта, целеполагания и масштаба социального управления отодвинута из центра дискуссий множасьими исследованиями индивидуальных психологических последствий распространения цифровых технологий.

Новейшие технологии антропоморфны и дружелюбны человеку в том смысле, что их использование, применение не требуют от человека приспособления к ним в смысле подстройки ритма своей органической жизни (в этом их отличие от индустриальных технологий, которые как раз вырывали человека из естественных ритмов жизни, заставляя его подстраиваться под работу технических устройств, опосредовать ее постоянным напряжением своей воли и внимания). Меняется и метафора: не человек – придаток машины, а техническое устройство – придаток человека (умные часы и наушники, умный дом, умная одежда, экзоскелет, мобильный офис, мобильный университет). Персональное устройство, гаджет, стал главным символом современных технологий.

Возможности управления организованными множествами с большим числом переменных (сложными организациями и системами) и координации действий миллионов людей – важнейшие плоды научно-технической революции. Специальные методики, позволяющие выявлять закономерности, получать оптимальные решения из различных альтернатив, определять рациональные моменты в условиях неопределенности материализовались в автоматической машине. В искусственном интеллекте, говорим мы сегодня, когда благодаря совершен-

ствование методик нейросетей, машинного обучения, распознавания образов и, наконец, благодаря созданию более мощных компьютеров для полных комбинаторных вычислений зависимостей и отношений между все возрастающим числом переменных алгоритмы стали машиноисполняемыми. Превращение интеллектуальных технологий в основной инструмент управления организациями и предприятиями стало практической задачей в рамках так называемой четвертой промышленной революции [14]. Впрочем, и сегодня это только задача. И неслучайно она сформулирована представителем немецкой бизнес-элиты, так как ее решение возможно только на основе мощного промышленного потенциала и соответствующего ему энергетического обеспечения (энергообмена с ресурсодобывающими странами). Наиболее восприимчивым к интеллектуальным технологиям оказался финансовый капитал, в то время как темпы роста промышленного производства, производительности труда, повышения эффективности использования ресурсов снижаются (доклад Римского клуба «Комон!» 2017 г. [15]), а сам рост за истекшие 50 лет был обеспечен в основном новыми индустриальными странами и «мировой фабрикой» – Китаем. Возобладавшая поведенческая экономика привела к тому, что мы так и не смогли научиться управлять экономикой для достижения общественных целей. Зато возможности управлять поведением потребителей и избирателей, выстраивая «архитектуру выбора», осознаны и используются в полной мере [16].

Предпосылки для цифровизации в лидирующих странах – материально-техническая база, технологии, инвестиционные ресурсы – были созданы мощной индустриальной экономикой и неэквивалентным экономическим обменом предшествующих десятилетий. Рост цифровой экономики выражается в масштабах и темпах распространения интернета, в объемах капитализации гигантов IT-индустрии и в доминировании финансового капитала. Постиндустриальное развитие обернулось деиндустриализацией (США, Великобритания, Западная Европа, за исключением Германии). Тейлоризм (фордизм), пришедший ему на смену тойотизм вытесняются прекарризацией труда и гиганомикой. Последние активно пропагандируются в качестве новых измерений индивидуальной свободы. Постиндустриальная экономика стала реальностью, но в принципиально иных условиях: крушение альтернативного глобальному капитализму проекта, возвышение Китая, отказ от социального государства на волне неолиберализма.

Типологические понятия постиндустриального, информационного общества задавали технократическую аналитическую перспективу осмысления общества, но их авторы осознавали ограниченность этой перспективы: новые технологии, освобожденные от императивного характера, становятся все более послушными инструментами для достижения целей, но целей они не производят. Их фетишизация оборачивается далеко идущими последствиями: мы видим оболочку и игнорируем суть. Сегодня определения «постиндустриальное», «информационное», «цифровое» в социальных представлениях укрепляют технократическую веру. Расколдованный, по выражению М. Вебера, мир вновь заколдовывается.

Заключение. Постиндустриальное, информационное, цифровое общество – эти понятия исчерпали свой объясняющий потенциал и культурное значение. Для отечественной социологии актуальны конструирование типологического понятия «гражданское общество» и его разработка в исследованиях исторически конкретных условий варьирования этого типа. На этом поле она может оспорить монополию западных либеральных интеллектуалов, опираясь на отечественные традиции социального познания, не исключая достижений советского периода и не изолируясь от мировой мысли. Станет ли современное глобальное общество одномерным, или гражданское общество состоит в исторически индивидуальных формах, во многом определяется тем, как в сообществах осуществляется доверие, – это всеобщее условие договорных практик

и отношений. Социологическая интерпретация категории доверия очень актуальна. Можно ли полностью алгоритмизировать доверие и поддерживать его автоматическим наступлением кар и наград, как в китайском эксперименте с социальным рейтингом? Или эффективнее поддерживать его обеспечением высокого уровня потребления за счет кредитования, как это исторически сложилось в экономически доминирующих западных странах? В России доверие в значительной степени зиждется на коллективной памяти и исторических традициях...

Типологическое понятие «гражданское общество» задает систему координат, в которой от фаталистического осмысления последствий развития высоких технологий возможно перейти к обсуждению вопросов об их предназначении и использовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Ин-т психологии РАН, 2016.
2. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд / пер. с фр. Т. П. Емельяновой // Психол. журн. 1995. Т. 16, № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.
3. Сорокин П. Родовая структура социокультурных явлений // П. Сорокин. Человек, социализация, общество / общ. ред., сост. и предисл., пер. с англ. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992.
4. Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психол. журн. 2016. Т. 37, № 6. С. 5–14.
5. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств / пер. с англ. С. А. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
6. Нестик Т. А., Солдатов Г. У. Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов // Ин-т психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 1. С. 90–118.
7. Персональные данные в интернете: возможности и риски. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3804. 01.11.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9401> (дата обращения: 20.02.2019).
8. Вызовы индустрии 4.0 и необходимость новых ответов. URL: http://www.industrialunion.org/sites/default/files/uploads/documents/2017/SWITZERLAND/Industry4point0Conf/industry_4_rus.pdf (дата обращения: 20.02.2019).
9. Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ / В. Вахштайн, П. Степанцов, Ю. Чурсина, С. Бардина. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (дата обращения: 20.02.2019).
10. Представления россиян о будущем страны через 20 лет. URL: <http://fom.ru/Budushchee/13169#> (дата обращения: 20.02.2019).
11. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
12. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
13. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / пер. с англ. Ю. В. Никуличева. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.
14. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: ЭКСМО, 2016.
15. Weizsaecker E. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018.
16. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / пер. Е. Петровой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета им. В. И. Ульянова (Ленина). Автор 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт. E-mail: ashcherbina@list.ru

REFERENCES

1. Emel'yanova, T.P. (2016), *Sotsial'nye predstavleniya: Istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Social Concepts: History, Theory, and Empirical Research], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.
2. Moskovichi, S. (1995), "Social Concepts: Historical Perspective", Translated by Emel'yanova, T.P., *Psychological Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 3–18, no. 2, pp. 3–14.
3. Sogomonov, A.Yu. (ed), (1992), "Sorokin P. Generic structure of sociocultural phenomena" *Pitirim Sorokin. Chelovek, sotsializatsiya, obshchestvo* [Pitirim Sorokin. Man, socialization, society], Translated by Sogomonov, A.Yu., Politizdat, Moscow, Russia.
4. Nestik, T.A. and Zhuravlev, A.L. (2016), "Psychological Aspects of Negative Attitude Towards New Technologies", *Psychological Journal*, vol. 37, no. 6, pp. 5–14.
5. Schmidt, E. and Cohen, J. (2013), *Novyi tsifrovoy mir. Kak tekhnologii menyayut zhizn' lyudei, modeli biznesa i ponyatie gosudarstv* [The New Digital Age: Transforming Nations, Businesses, and Our Lives], Translated by Filin, S.A., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.
6. Nestik, T.A. and Soldatova, G.U. (2017), "The Representations About the Future of Digital Technologies Among Russian Students", *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, vol. 2, no. 1, pp. 90–118.
7. VTsIOM (2018), *Personal'nye dannye v internete: vozmozhnosti i riski* [Personal data on the Internet: opportunities and risks], available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9401> (accessed 20.02.2019).
8. Industriall Global Union (2018), *Vyzovy industrii 4.0 i neobkhodimost' novykh otvetov* [Industry 4.0 Challenges and the Need for New Answers], available at: http://www.industrial-union.org/sites/default/files/uploads/documents/2017/SWITZERLAND/Industry4point0Conf/industry_4_rus.pdf (accessed 20.02.2019).
9. Vakhshain, V., Stepantsov, P., Chursina, Yu. and Bardina, S. (2016), *Publichnyi otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya povedencheskikh i institu-tsional'nykh predposylok tekhnologicheskogo razvitiya regionov RF* [Public report on the results of a sociological study of behavioral and institutional prerequisites for the technological development of regions of the Russian Federation], available at: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (accessed 20.02.2019).
10. *Predstavleniya rossiyan o budushchem strany cherez 20 let* [Representations of Russians about the future of the country in 20 years] (2017), available at: <http://fom.ru/Budushchee/13169#> (accessed 20.02.2019).
11. Sorokin, P.A. (1994), *Obshchedostupnyi uchebnik sotsiologii. Stat'i raznykh let* [Public textbook of sociology. Articles from different years], Nauka, Moscow, Russia.
12. Gelbreit, J.K. (1969), *Novoe industrial'noe obshchestvo* [The New Industrial State], Progress, Moscow, Russia.
13. Bell, D. (1986), "Social Framework of the Information Society", *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [New technocratic wave in the West], Translated by Nikulicheva, Yu.V., Progress, Moscow, Russia, pp. 330–342.
14. Schwab, K. (2016), *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution], EKSMO, Moscow, Russia.
15. Weizsaecker E. von, Wijkman A. (2018), *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Springer.
16. Thaler, R.H. and Sunstein, C.R. (2017), *Nudge. Kak uluchshit' nashi resheniya o zdorov'e, blagosostoyanii i schast'e* [Nudge. Improving decisions about health, wealth and happiness], Translated by Petrova, E., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.

Alexandra V. Shcherbina – Candidate of Philosophical Sciences (1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI". The author of 25 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict. E-mail: ashcherbina@list.ru